

УДК: 81'04

Л.В. Ненашева

СИНТАКСИС «ЗРЕЛИЩА ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII В.

Статья написана при поддержке РФФИ (проект 17-14-29005-ОГН).

Анализируются синтаксические конструкции простого предложения в церковнославянском языке. Для анализа привлекается языковой материал, взятый из рукописи конца XVII – начала XVIII в., в которую входят повесть о жизни Эзопа и басни, переведенные Андреем Андреевичем Виниусом с немецкого языка. Автор часто использует одиночное отрицание, оборот «дательный самостоятельный» и сочетание «да + настоящее время». Выявленные особенности функционирования данных конструкций могут характеризовать направление развития этих конструкций в церковнославянском языке.

Ключевые слова: рукопись; басни Эзопа; Андрей Виниус; синтаксические конструкции; церковнославянский язык.

Сюжеты басен Эзопа были очень популярны в мировой литературе и дошли до наших дней. Интерес к творениям древнегреческого писателя в русской литературе возник давно. В древнерусской литературе упоминание об Эзопе встречается в «Пчеле» XII в., «а животные маски как иносказательное воплощение нравственного поведения человека известны русскому читателю по спискам «Стефанита и Ихнилата» (XIII в.), которые восходят к арабскому произведению «Панчатантры». Близость текстов Эзопа и «Стефанита и Ихнилата» осознавалась древнерусскими книжниками, поэтому данные произведения часто соседствуют в сборниках, к тому же повести «Стефанита и Ихнилата» воспринимаются как «Писания философа Есопа-индейнина» [1. С. 7].

В XVII в. к басням Эзопа проявляет интерес Федор Гозвинский. В 1607 г. он перевел «Притчи, или баснословие, Езопа Фриги», греческим оригиналом которого была младшая, «византийская», рецензия басен Эзопа, изданная Боном Аккурсиом в Милане в 1479–1480 гг. [Там же. С. 7]. Известен также перевод басен с польского языка Петром Кашинским в 1675 г. [Там же. С. 165].

Третий перевод басен Эзопа в русской литературе известен как «Зрелище жития человеческого», выполненный Андреем Андреевичем Виниусом (1641–1717). Сын русского купца и заводчика Андрея Денисовича Виниуса, голландца по происхождению, Андрей Андреевич работал в должности переводчика в Посольском приказе. С дипломатическими поручениями был отправлен во Францию, Испанию и Англию и после возвращения в 1674 г., по мнению Р.Б. Тарковского, привез «иноязычный оригинал «Зрелища», о котором сообщает лишь, что он был немецким» [2. С. 249]. В 1674 г. А.А. Виниус переводит с немецкого языка на церковнославянский язык сборник басен с историческими и легендарными примерами «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными повестьми в научение всякого чина и сана человеком». Источником «Зрелища» послужил сборник басен в стихах на немецком языке «Theatrum Morum. Artliche Gespräch der Thier mit wahren Historien der Menschen zur Lehr», изданный

Э. Саделером в 1608 г. в Праге [1. С. 147]. В 1712 г. «Зрелище жития человеческого» было издано Московской типографией Синода, однако «ни одного экземпляра этого издания не уцелело, и, несмотря на значительный тираж (500 экз.), оно уже в XIX в. практически было неизвестно библиофилам». Но сохранились списки и оттиски гравюр, которые «дают возможность представить печатное “Зрелище” почти во всех деталях и частностях. Дошла и рукопись, связанная с подготовкой издания (РНБ, собр. Титова, № 4851)» [Там же. С. 163]. Фонды музеев и библиотек сейчас содержат несколько десятков рукописных источников «Зрелища», что, несомненно, представляет большой интерес для исследователей.

Такого рода произведения, каковым является «Зрелище жития человеческого», не связаны с каноническими церковными текстами, где не должны быть отступления от нормы, а значит, они показывают, как формировались графика, орфография, грамматика, синтаксис церковнославянского языка.

В фондах Архангельского музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» находится уникальная по своему составу рукопись. Возможно, она была списана с печатного издания, о чем имеется запись на л. 58: «Яще ѹбо прѣжде притчи сѣмъ в тиснѣ/снѣнїи типографїи на́шей бы́ша нѣданы». В данный список входит повесть, или притча, об Эзопе (л. 1–57) и 100 басен, взятых из «Зрелища жития человеческого», переведенного А.А. Виниусом (л. 62–150 об.). Переписчик данной книги был невнимательным, при копировании текста он, возможно, не вчитывался в содержание, поэтому на л. 87 об в середине текста басня 29 «О воле и псе» обрывается на словах:

«ѹбѣла тѣмъ, ѹко мнози ѹкоже и пѣ сѣи ѹбѣтѣаю́тсѣ чѣцы, ѹже по ѹзовѣнїи своѣмъ ѹстѣнки своѣмъ, и крѣпнїцы ѹстѣающыя ѹ трапѣзы ихъ, ницимъ и ѹбоги́мъ не даю́т, но лѣчыши пса́мъ свои́мъ ѹныя в снѣдѣ порѣваю́т».

Далее строка продолжается новым предложением, которое является фразой другой басни. Книжник списывал с рукописи или с печатного издания, где, скорее всего, были пропущены листы, но писец, не вникая в текст, переписывал все подряд, поэтому в одном

тексте соединил большую часть одной басни и конец другой. Исследователями Р.Б. Тарковским и Л.Р. Тарковской опубликован один из списков «Зрелища жития человеческого» [1. С. 301–407], сравнив который с нашим списком, мы обнаружили, что было пропущено 4 басни и на л. 87 об. представлено окончание басни 34 «О елени, стоящем при источнике». Каждая повесть строится следующим образом: сюжет из жизни животных и человека, толкование представленного события и лаконичный пересказ притчи, взятой из произведений античных писателей или Библии.

Книга поступила в музей в 1969 г., привезена была из Ленского района, деревни Выемково Архангельской области. Рукопись не датирована, написана на 150 листах, обрывается на сотой басне, последние листы не сохранились. Книга написана полууставом, одним почерком, форматом в 4⁰, не в очень хорошем состоянии: переплет утрачен, листы сильно загрязнены, с многочисленными водяными потеклами, со следами копоти, сажи и воска. На протяжении всего списка использована бумага с филигранью «Герб Амстердама» разных вариантов: 1) л. 7 герб Амстердама с литерами PIM, RLI (третья разновидность) приблизительно схож с *Диановой* № 149 (1689 г.); 2) герб Амстердама, литеры отсутствуют (третья разновидность) приблизительно схож с *Диановой* № 176 (1692 г.); 3) герб Амстердама с литерами AG (восьмая разновидность) приблизительно схож с *Диановой* № 296 (1701, 1704, 1706, 1709 гг.) и № 306 (1709 г.) [3. С. 50, 150]; приблизительно схож с *Есиповой* № 5 (1700 г.) и № 59 (1715 г.) [4. С. 10, 78, 85]. По бумажным знакам можно судить, что рукопись была написана в конце XVII – начале XVIII в.

На листах 2–13 имеется полистная запись чернилами в правом нижнем углу: «Книга принадлежит Михайло Петрову сыну Орлову подписать Иванъ Орловъ 1818го года октября 6 числа».

В данной статье рассмотрены синтаксические конструкции простого предложения, отмеченные во второй части рукописи, в которой содержится «Зрелище жития человеческого». Исследуемые конструкции были характерны для старославянского, древнерусского языков и сейчас широко используются в современном церковнославянском языке. В оригинальных произведениях, созданных русскими авторами или переведенных с иностранных языков на церковнославянский язык, как нельзя лучше показано формирование церковного синтаксиса, потому что такие произведения не находятся в зависимости от текстов традиционного содержания. Рассмотрим некоторые синтаксические конструкции.

Одним из древних синтаксических сочетаний, сформированных еще в древнерусском языке раннего периода, но сохранившихся в синтаксической структуре современного церковнославянского языка, является одиночное отрицание, т.е. при сказуемом не стоит отрицательная частица. Когда отрицательное местоимение находится в препозиции, перед глаголом, отрицание распространяется и на стоящий после местоимения глагол, как в английском, немецком, французском и испанском языках. Такие пред-

ложения называются предложениями с одиночным отрицанием.

Ф.И. Буслаев полагал, что «оборот с одиноким отрицанием вместо двойного» заимствован из греческого языка и долго использовался в текстах книжно-славянского типа [5. С. 523]. В.И. Борковский не соглашается с В.И. Чернышевым, который считал, что оборот с одиночным отрицанием «перешел в старый русский книжный язык подражанием греческому языку» [6. С. 17]. В.И. Борковский, вслед за Л.А. Булаховским, полагает, что «оборот с одним отрицанием не был заимствованием из чужого языка. Об этом говорят не только памятники древнерусской письменности, в частности деловой, но и данные современных русских говоров. Нашему выводу не противоречит тот факт, что в отдельных случаях из двух возможных для древнерусского языка оборотов (с *не* и без *не*) древнерусский книжник, под влиянием церковнославянской письменности, предпочитал употребить оборот без *не*, хотя последний, по-видимому, был менее широко распространен в диалектах русского языка» [7. С. 405]. В.В. Иванов отмечал, что в грамотах и летописях часто встречается двойное отрицание, в канонических же текстах и в житиях предпочтение отдается одиночному отрицанию [8. С. 386]. О стилистике синтаксических типов отрицания как отражения литературного этикета писала и Л.В. Савельева. Она приходит к выводу, что «в контексте литературного этикета эпохи XIV–XVII вв. явственно прослеживается стилистическая значимость мононегации как актуализатора жанрового инварианта агиографических сочинений. <...> Эта стилистическая переоценка обусловила место мононегативных предложений в высоком слоге в системе развивающихся трех стилей национального литературного языка» [9. С. 48]. Поэтому оборот с одиночным отрицанием сохранился и сейчас широко употребляется в текстах современного церковнославянского языка [10. С. 48–49; 11. С. 99].

В исследуемой рукописи конструкции с одиночным отрицанием преобладают, например: *Мно́гиѣ цесарей ѿ королей стопы виждѣ вше́дшиѣ во Ита́лію, ѿ ни́ е́дина же ви́ждѣ с ра́достію во́звратѣвшасѣ* (*Вижу следы многих цесарей и королей, вошедших в Италию, и ни одного не вижу с радостью возвратившегося*); *Нѣ́кій дре́вній философъ рече: ничтѣ́же бы́ти, на землѣ дража́йши вре́мени ѿбо богáтство ѿзгѣ́вшее, члѣ́къ прѣ́обрѣ́сти мо́жетъ. вре́мя же изше́дшее ничтѣ́же мо́жетъ во́звратѣти* (*Некий древний философ сказал: «Ничего не может быть на земле дороже времени, ибо утраченное богатство человек может приобрести, время же прошедшее ничто не может вернуть»*); *Нача́ свѣ́здочте́цъ Патѣ́рію гл҃ати, ꙗ́ко ника́а же хѣ́трость по́добна е́сть на землѣ, свѣ́здослѣ́вію* (*Начал звездочет Патирию говорить, что никакая хитрость на земле не схожа с астрологией*); *Е́гда же змѣ́а зѣ́вы своѣ́а развѣ́и, ѿ ничтѣ́ же ѿспѣ́ на́ковалнѣ́, и рече́ в себѣ́: ꙗ́че бы́ зѣ́вы моѣ́а бы́ли*

желѣзны, или мѣданы, никоже зло сотворити возмогла бы (Когда же змия зубы свои разбила и ничего не сделала наковальне, сказала себе: «Если бы зубы мои были железными или медными, никакого зла не могла бы себе сотворить»).

Однако, если сказуемое стоит на первом месте, при нем отрицательная частица должна быть. Но в исследуемом тексте такие конструкции встречаются крайне редко: Лиса нѣкогда восхотѣ ѿ грѣдѣа насытити^{сѧ} ѿже на дрѣвѣ высоко висахъ и немогѹще ей никакоже достѣтисѧ (Однажды лиса захотела насытиться виноградом, который высоко висел на дереве, и никак не могла его достать). Исследуя конструкции с одиночным отрицанием в «Зрелище», можно сделать вывод, что А.А. Виниус при переводе с немецкого языка предпочитает употреблять одиночное отрицание, потому что, с одной стороны, следует традициям книжно-славянского синтаксиса, с другой стороны, испытывает влияние родного немецкого языка, где используется одиночное отрицание.

Другой конструкцией, часто встречающейся в текстах традиционного содержания, является оборот «дательный самостоятельный» (dativus absolutus), который имеет значение краткого придаточного предложения. Он является передачей греческой конструкции «родительного самостоятельного» – genetivus absolutus. Оборот «дательный самостоятельный» состоит из имени существительного или местоимения в дательном падеже и причастия в дательном падеже. Этот синтаксический оборот не входит ни в состав подлежащего, ни в состав сказуемого, поэтому называется «дательным самостоятельным». На русский язык он переводится придаточным предложением со значением обстоятельства. При переложении с церковнославянского языка на современный русский имя существительное или местоимение ставится в именительный падеж, а причастие – в спрягаемую форму глагола, т.е. дательный падеж существительного или местоимения выражает логическое подлежащее, а дательный падеж причастия – логическое сказуемое. В современном церковнославянском языке оборот «дательный самостоятельный» имеет значение обстоятельства времени, причины или уступительное значение [10. С. 125–126].

При переводе с немецкого языка на церковнославянский язык «Зрелища жития человеческого» А.А. Виниус часто использует оборот «дательный самостоятельный», который имеет в указанном тексте следующие обстоятельственные значения:

1. Времени: Семѹ же ѹнывающѹ, дрѹзѣи же весело скачѹще, преломи севѣ ногѣ. (Пока один унывал, другой же весело скакал и сломал себе ногу); Начальствѹющѹ над голѹбѣи ѧсѣревѹ, многѣа ѿ них ѹбиваѹа и пождаа (Когда ястреб начальствовал над голубями, многих из них убивал и съедал); Нѣкогда срѣте лѣвѹ вепрѧ... и начаша люто битисѧ с вепрем, и тако борющымсѧ им прелетѣ ѧстреб. (Однажды лев встретил вепря... начали они сильно биться. И так, пока они боролись, прилетел ястреб); Се же емѹ глѹщѹ изыде из норы малаа мышь и

ѹгрызе вола в ногѣ. (Когда он это сказал, вышла из норы маленькая мышь и укусила вола в ногу).

2. Причины: Недоумѣвающѹ же емѹ како подобнѣ ѡ се^а начне^т, вопроси ѹпѧта своего Стѣвѣлика ѿже непрестѧнно тайно тѣшасѧ како власть Ѹнѹю ѿ Онѹрѣа царѧ ѹчюждѣтѹ (Так как он был в затруднении, как подходящим образом сделать это, спросил военачальника своего Стѣвѣлика, который, не переставая, тайно желал отобрать власть у Онория-царя). И немогѹще ей никакоже достѣтисѧ нача грѣдѣе Ѹное зѣло хѣлѣти ѿко зѣлены кислы и никѡн^а зѣвѣре^а потребны бѡхѹ (И так как она [лиса] никак не могла достать виноград, начала гроздьѧ оныя очень ругать, что зелены, кислы и никаким зверям не нужны).

3. Следствия: Сего барѧна рѡдѹ начѧльника севѣ того и вождѧ ѡбрѧше, той же гордости Ѹдержѣ^а мнѧше в силѣ не быти емѹ подобна нигдѣ, хотѧщѹ же емѹ власть свою распространѣти, и нѣмѧ Ѹбласти севѣ покорѣти (Одного барана род избрал своим главою и предводителем. Он же, одержимый гордостью, считал что никого и нигде нет, подобного ему в силе, поэтому хотел власть свою распространить и другие области себе покорить).

4. Уступительное: И на мнозѣ молящѹсѧ емѹ, никаковѧ ѡвѣта не полѹчи (И хотя он много молился, никакого ответа не получил).

В.И. Борковский отмечает, что оборот «дательный самостоятельный» «представлен в тех древнерусских памятниках, характерной особенностью которых являются книжные обороты речи (в некоторых из них – лишь в отдельных частях памятника): летописях, житиях святых, поучениях и др. Памятники деловой письменности этого оборота не знают» [7. С. 446]. Однако, по мнению Т.С. Кузькиной, оборот «dativus absolutus» в языке XVII в. встречается «не только в церковно-проповеднической литературе, но и в документально-исторической, например, в “Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря”» [14. С. 92].

Часто в древнерусских текстах нет совпадения действующего лица в обороте «дательный самостоятельный» и в части предложения с глагольным сказуемым. Однако у А.А. Виниуса нередко встречаются случаи совпадения действующих лиц: Прилѣчѣвшѹ равѹ в пѣти прѣ кесаре^а ѣхати в вѧтинѣ ѹвѧзе. (Когда рабу пришлось в пути перед кесарем ехать, он в болоте увяз); Недоумѣвающѹ же емѹ... вопроси ѹпѧта своего Стѣвѣлика. (Так как он был в затруднении... спросил военачальника своего Стѣвѣлика).

Исследователь Т.С. Кузькина, изучая древнерусские тексты, соотносит «дательный самостоятельный» с неопределенно-личными предложениями в главной части [15. С. 83–93], однако у А.А. Виниуса такого типа предложения отсутствуют.

Переводчик расширяет синтаксические функции оборота «дательный самостоятельный». Когда «дательный самостоятельный» в значении обстоятельства времени соединен союзом *и* с придаточным времени, тогда обе конструкции являются однородными предложениями, объединенными одним союзом, и относятся к одному главному предложению. В таком случае перед «дательным самостоятельным» стоит союз, дублирующий временное значение оборота: **Бгда семѣ на ловѣи бывше и ѿленѣ рагама своимѣ хотѣше црѣ ѿмъртвѣти и за поѣсъ его ѿцѣпѣи, прѣиде тоѣ вельможа и поѣсъ црскѣй мече" свѣи прерѣза, и тако црѣ ѿ смърти ѿзбави** (Когда он [греческий царь Василий] был на охоте и оленя рогами своими хотел царя умертвить и за пояс его зацепил, пришел тот вельможа, и пояс царский мечом своим перерезал, и так царя от смерти избавил).

Некоторые басни А.А. Виниус начинают с оборота «дательный самостоятельный», в таком случае оборот уместнее переложить на современный язык не как придаточное времени, а как самостоятельное предложение, например: **Лисице шѣствѣющей ѿкрестѣ дома земледѣлателя, да прѣвпривраще" себѣ пищѣ впадѣ в' ѿмѣ и ѿвазе, ѿко не моцѣи ѣи и'лѣсти** (Лисица шла около дома земледельца, чтобы раздобыть себе пищу, упала в яму и увязла, так что не могла вылезти). Данное предложение «завязывает» на себе сюжет: лисица упала в яму, глубоко в ней увязла, не смогла вылезти, ее стали сильно кусать пчелы и пить у нее кровь; лисица терпела все тяготы, потому что боялась, что, если она отгонит этих пчел, прилетят другие, голодные, и сильнее начнут ее кусать. На наш взгляд, в начале басни оборот «дательный самостоятельный» выступает как самостоятельное и главное предложение, при этом главное и придаточные предложения связаны одним субъектом действия. К тому же данное предложение насыщено синтаксическими конструкциями, встречающимися только в церковнославянском языке. Так, конструкция «сочетание частицы *да* + форма глагола в простом будущем времени» переводится в этом предложении как придаточное цели: **да прѣвпривраще" себѣ пищѣ** – чтобы раздобыть себе пищу, а сочетание «инфинитив с формой дательного падежа» после союза *ѿко* переводится как придаточное со значением следствия: **ѿко не моцѣи ѣи и'лѣсти** – так что не могла вылезти.

Когда в обороте «дательный самостоятельный» к причастию относятся зависимые слова, то существительное в этом обороте выступает в качестве определяемого слова, а причастие с зависимыми словами лучше перевести на русский язык как определение, выраженное причастным оборотом:

Нѣкоемѣ конѣ впряженѣ в тѣжкѣи во³, хотѣл минѣти блѣтинѣ ввалисѣ в ню (Некий конь, впряженный в тяжелый воз, хотел миновать болото, ввалился в него). Это предложение также начинает басню.

Если причастие по смыслу тесно связано со сказуемым (в данном предложении сказуемое тоже выра-

жено причастием), то «дательный самостоятельный» выступает в качестве обстоятельства, выраженного деепричастным оборотом: **Врази... вопрошающе гдѣ есть господи" егѣ, ѿвѣщающе рабѣ семѣ** дати многое златѣ (Враги... спрашивали у раба, где есть господин его, обещая этому рабу дать много золота).

В тексте «Зрелища» А.А. Виниус часто использует сочетание форм настоящего или простого будущего времени глагола с частицей **ДѦ**. Данная синтаксическая конструкция переводится на современный русский язык по-разному, в зависимости от места этого оборота в предложении.

Если это сочетание находится в простом и сложносочиненном предложениях или в главной части сложноподчиненного предложения, то такая конструкция имеет значение повелительного наклонения, как в русском языке фраза «да здравствует»: **Кѣнь же познѣ лѣво лѣкавство, ѿвѣща емѣ добрѣ сотворишѣ еси, исти"но познѣшѣ еси ѿко недѣгѣи ма", ѿбо копыта мои. задниѣ зѣло бола", сегѣ рѣди да ѿсмотриши рѣны мои** (Конь же узнал лукавство льва, отвечал ему: «Хорошо, что ты узнал о моем недуге, ибо копыта мои задние очень болят, поэтому посмотри раны мои»); **Прѣиде волкѣ к свинѣи рече: ѿ мати мои!.. даждѣ ми на соблюденѣ чада твоѣ да воспитѣю ихѣ и ѿ всѣхнѣ лютыхѣ звѣрей соблюдѣ** (Пришел волк к свинье и сказал: «О мать моя!.. дай мне на попечение детей своих, да прокормлю их и от всяких лютых зверей уберегу»); **Прислѣ тоѣ Салима" к матери егѣ глѣ, предаждѣ ми в соблюденѣ сына твоегѣ да возвращѣ егѣ и сотворю наслѣдника ѿцѣ егѣ** (Прислал тот Салиман к матери его, говоря: «Отдай мне на воспитание сына твоего, да возвращу его и сделаю наследником отца его»). Как мы видим из примеров, автор использует указанную конструкцию в значении повелительного наклонения только в прямой речи.

Если же сочетание «да + настоящее / простое будущее время» расположено в придаточной части предложения, то оно имеет значение цели: **Нѣкоторый ловѣцѣ поставѣи сѣти своѣ, и насыпа житѣ да ѿлови" птѣицы** (Некий ловец поставил сети и насыпал в них зерна, чтобы поймать птиц); **Сѣ же слыша волкѣ козѣ ѿшѣдше", прѣиде к двѣре" и нача во двѣри би" да ѿверзѣтсѣ, глѣущи козѣ ѿкѣ мати твоѣ пришла** (Услышав это, волк, когда коза удалась, подошел к дверям и начал стучать в дверь, чтобы ему открыли, говоря козе: «Мать твоя пришла»); **Мѣч же ѿстрый повелѣ повѣси" на то"кѣи вѣрви на главою егѣ да ѣстѣ и веселѣтсѣ** (Меч же острый повелел повесить на тонкой веревке над его головой, чтобы ел и веселился); **Повелѣ би"ти себѣ да мѣдрѣиши вѣде"** (Повелел бить себя, чтобы стать мудрее); **Тѣтѣ же взѣ" хлѣбѣ метѣше псѣ да да молчи"** (Вор же, взяв хлеб, кинул псу, чтобы тот замолчал). И в значении повелительного наклонения (у А. Гамановича

[12. С. 119] и Т.Л. Мироновой [13. С. 170–171] – желательное наклонение), и в роли придаточного цели сочетание «да + глагольная форма» распространено в современных церковных текстах [10. С. 119–120; 11. С. 81–82, 103; 12. С. 237; 13. С. 213].

У А.А. Виниуса оборот «да + настоящее / простое будущее время» употребляется и в другой синтаксической функции, например в роли дополнения: *Прїиде нѣкій волкъ ко ѡвцаѣ во ѡвчєй ѡдежди, и нача молиѣти ю да идеѣ с нимъ к нѣѣмѣ мѣстѣ* (Пришел некий волк к овцам в овечьей одежде и начал молить её [овцу] пойти с ним в одно место); *Нѣкогда прїиде елєнь со ѡвцєю прѣ волка и моли егѡ да дасть ей на ѡвцѣ сѣдз* (Однажды пришел олень с овцой к волку и молил его осудить овцу).

Оригинальное переводное произведение А.А. Виниуса не только донесло до нас самобытные истории из жизни животных, написанные сочинителем и баснописцем Эзопом и другими авторами, не только истории, взятые из античных хроник, но и сохранило богатый материал, который формировал литературный русский язык. Синтаксические конструкции, следующие греческому оригиналу, придают переводу книжный, ученый характер. При переводе с немецкого языка на церковнославянский

язык XVII в. А.А. Виниус отдает предпочтение одиночному отрицанию, потому что из всех примеров, встречающихся в тексте, только однажды автор употребляет отрицательную частицу *не* перед сказуемым, а отрицательное местоимение ставит в постпозицию. Оборот «дательный самостоятельный» в древнерусских текстах часто имел значение обстоятельства времени, и в данном тексте этот оборот автор чаще использует именно со значением времени. Сочетание «да + настоящее / простое будущее время глагола» часто у А.А. Виниуса находится в придаточной части и имеет значение обстоятельства цели; в прямой речи, в диалогах это сочетание употребляется в значении повелительного наклонения.

В данной статье были рассмотрены конструкции, употребляемые в церковнославянском языке с древних времен и широко представленные в тех значениях и функциях, которые использовались в церковных текстах. Оригинальные авторские произведения или переводные сочинения показывают, что такие конструкции были актуальны в литературном языке, однако с развитием и усложнением структуры предложений исчезли из современного языка, сохранившись в текстах традиционного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования, тексты, комментарии. СПб., 2005.
 2. Тарковский Р.Б. «Зрелище жития человеческого» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1969. Т. 24. С. 249–253.
 3. Дианова Т.В. Филиграния XVII–XVIII в. «Герб города Амстердама». М., 1998.
 4. Есипова В.А. Филиграния на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. Томск, 2005.
 5. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1881.
 6. Чернышев В.И. Отрицание «не» в русском языке. Материал для Словаря русского языка. Приложение к I выпуску VIII тома Словаря русского языка, издаваемого II Отделением Академии наук СССР. Л., 1927.
 7. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.
 8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.
 9. Савельева Л.В. Стилистика синтаксических типов отрицания как отражение литературного этикета (на материал русской агиографии XIV–XVII вв.) // Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990. С. 37–49.
 10. Плетнева А.А., Кравецкий А.Г. Церковнославянский язык: учеб. издание для общеобразовательных учебных заведений, духовных училищ, гимназий, воскресных школ и самообразования. М., 2006.
 11. Ремнёва М.Л., Савельев В.С., Филичев И.И. Церковнославянский язык: Грамматика с текстами и словарем. М., 1999.
 12. Гаманович А. (иеромонах). Грамматика церковнославянского языка. М., 1991.
 13. Миронова Т.Л. Церковнославянский язык. М., 2010.
- Кузькина Т.С. Dativus absolutus как средство выражения субъективного значения в формирующихся неопределенно-личных предложениях в древнерусском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 2, ч. I. С. 83–94.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 июня 2018 г.

THE SYNTAX OF THE MIRROR OF HUMAN LIFE OF THE LATE 17TH – EARLY 18TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 45–50.

DOI: 10.17223/15617793/437/6

Larisa V. Nenasheva, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation).

E-mail: jazyk@atknnet.ru

Keywords: manuscript; Aesop's fables; Andreas Winus; syntactic structures; Church Slavonic language.

The aim of the work is to consider some syntactic constructions that formed the structure of the sentences of the translated work and to clarify the ways and means of expressing the parts of the sentence in these constructions. The formation of the grammatical and syntactic system of the book Slavonic language is clearly seen on the material of original works that are not related to canonical church texts. This article analyses some syntactic features of a simple sentence in the Church Slavonic language taken from a handwritten manuscript *The Mirror of Human Life*. It was translated by Andreas Andreazon Winus from German to the Russian church language in the last third of the 17th century. A book *Theatrum Morum* was the source of the translation. Winus included 134 fables in the book. This article presents the material taken from the manuscript that resides in the funds of the Arkhangelsk museum association Art Culture of the Russian North. The book is rewritten from the printed edition of the late 17th – early 18th centuries. The last sheets are lost, 150 sheets are preserved. The translator often uses single negation, forms of the dative absolute and the combination “*da* + present tense”. In the analysis of these structures, the method of continuous sampling was used, as well as descriptive

and comparative methods of research. Constructions with a single negation occur even in the early Old Russian texts. When a negative pronoun is in front of a verb, the negation extends to the verb as well, for example: *nichto moshet vozvratiti* ("Nothing can return smth"). One of the common features of the syntax of a simple sentence is the forms of the dative absolute (dativus absolutus). Winius uses this construction in several meanings, but more often in the meaning of time. The dative absolute consists of a noun and a participle in the dative case and is often translated in the analyzed text by a clause of time as in the Old Russian language, for example: *idushchu emu srete druga* ("When he walked, he met a friend"). The translator also uses this construction in the functions of participial and adverbial participial phrases. He also often uses the combination "da + present / future simple verb tense". If this combination is in the subordinate clause of a complex sentence, it is translated as a clause of purpose: *nasypa zhita da ulovit ptits* ("Poured grains to catch birds"). If this construction is used in dialogues, it has the sense of the imperative mood: *da usmotrish rany moya* ("Look at my wounds"). This article analyzed the constructions that were used by the ancient Russian authors and preserved in the modern Church Slavonic language. Thanks to such constructions, the unique original Russian literary language was formed.

REFERENCES

1. Tarkovskiy, R.B. & Tarkovskaya, L.R. (2005) *Ezop na Rusi. Vek XVII. Issledovaniya, teksty, kommentarii* [Aesop in Russia. The 17th Century. Studies, texts, commentaries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Tarkovskiy, R.B. (1969) "Zrelishche zhitiya chelovecheskogo" [The Mirror of Human Life]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Vol. 24. Leningrad: Nauka. pp. 249–253.
3. Dianova, T.V. (1998) *Filigrani XVII–XVIII v. "Gerb goroda Amsterdama"* [Filigrees of the 17th–18th cc. "Coat of arms of Amsterdam"]. Moscow: GIM.
4. Esipova, V.A. (2005) *Filigrani na bumage sibirskikh dokumentov XVII–XVIII vv.* [Filigrees on the paper of Siberian documents of the 17th–18th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Buslaev, F.I. (1881) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Tip. T. Ris.
6. Chernyshev, V.I. (1927) *Otritsanie "ne" v russkom yazyke. Material dlya Slovary russkogo yazyka. Prilozhenie k I vypusku VIII toma Slovary russkogo yazyka, izdavaemogo II Otdeleniem Akademii nauk SSSR* [The negation "ne" in Russian. Material for the Russian Dictionary. Appendix to the first issue of the eighth volume of the Dictionary of the Russian Language, published by the Second Division of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
7. Borkovskiy, V.I. & Kuznetsov, P.S. (2006) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: KomKniga.
8. Ivanov, V.V. (1990) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie.
9. Savel'eva, L.V. (1990) *Stilistika sintaksicheskikh tipov otritsaniya kak otrazhenie literaturnogo etiketa (na material russkoy agiografii XIV–XVII vv.)* [The stylistics of the syntactic types of negation as a reflection of literary etiquette (on the material of Russian hagiography of the 14th – 17th centuries)]. In: Tarlanov, Z.K. et al. (eds) *Istoricheskaya stilistika russkogo yazyka* [Historical stylistics of the Russian language]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.
10. Pletneva, A.A. & Kravetskiy, A.G. (2006) *Tserkovnoslavyanskiy yazyk: ucheb. izdanie dlya obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniy, dukhovnykh uchilishch, gimnazi, voskresnykh shkol i samoobrazovaniya* [The Church Slavonic language: a textbook for secondary schools, religious schools, gymnasiums, Sunday schools and self-study]. Moscow: Prosveshchenie: Uchebnaya literatura.
11. Remneva, M.L., Savel'ev, V.S. & Filichev, I.I. (1999) *Tserkovnoslavyanskiy yazyk: Grammatika s tekstami i slovarem* [Church Slavonic: Grammar with texts and vocabulary]. Moscow: Moscow State University.
12. Gamanovich, A. (hieromonk) (1991) *Grammatika tserkovnoslavyanskogo yazyka* [Grammar of Church Slavonic]. Moscow: Palomnik.
13. Mironova, T.L. (2010) *Tserkovnoslavyanskiy yazyk* [Church Slavonic]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii.
14. Kuz'kina, T.S. (2009) Dative Absolute as a Means of Expressing Subject Meaning in Forming Indefinite Personal Sentences in Old Russian. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9 – Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2(I). pp. 83–94. (In Russian).

Received: 20 June 2018